

Лу Цзэси был богат, влиятелен и пользовался репутацией знатного ловеласа. По логике вещей, жизнь у него должна была быть полна развлечений, но на деле он был человеком чрезвычайно ленивым.

Ему было лень посещать шумные вечеринки и слушать лесть мелких артистов. Большую часть времени он проводил в своем баре «Минхуа».

— Что это тут сегодня происходит? — едва переступив порог, Лу Цзэси почувствовал неладное.

В баре стояла странная тишина. Он с усмешкой посмотрел на управляющего Лю:

— Что, «Минхуа» разоряется?

Управляющий Лю взглянул вглубь зала и поспешно ответил:

— Да нет, новый бармен пришел. Видите, все эти молодые господа столпились там, заказывают выпивку.

Лу Цзэси стало любопытно. Он развернулся и направился вглубь помещения:

— О? Если нашим пекинским мажорам так приглянулось, значит, там кто-то выдающийся.

Хотя он так сказал, особого интереса не испытывал. Обогнув колонну, он увидел Хуа Цзяня и невольно приподнял бровь от удивления. Он остановился на пару секунд, разглядывая парня, а затем внезапно усмехнулся:

— А ведь неплох.

Управляющий Лю тут же воспользовался случаем:

— Этот парень — второкурсник Пекинского университета. Его порекомендовал директор Се из компании «Минхуа», а вчера его брат заходил и между делом спросил, нельзя ли устроить знакомого на подработку.

— Брат директора Се? — Лу Цзэси сразу подумал о Се Чжияне. — Что ж, у него неплохой вкус. Ладно, присматривай за ним, я пойду наверх отдохну.

Хуа Цзянь был неплох, но совсем не в его вкусе. Лу Цзэси предпочитал изнеженных и хрупких мальчиков. Этот же был слишком «жестким».

Время летело быстро. Хуа Цзянь стоял за стойкой с девяти вечера и до одиннадцати, не

переставая ни на минуту. Наконец, когда в заведении появился какой-то важный гость и толпа мужчин вокруг бармена немного рассеялась, он смог выбраться из-за стойки.

Хоть в прошлой жизни он и привык к работе бармена, нынешнее тело еще не адаптировалось к таким нагрузкам. Бригадир разрешил ему передохнуть, и Хуа Цзянь, разминая затекшую шею и плечи, завернул за угол и едва не врезался в кого-то.

— Простите, прошу прощения!

Перед ним стоял мужчина. Невысокий, на фоне груди Хуа Цзяня он выглядел совсем хрупким. Хуа Цзянь нахмурился и поспешил отойти, но стоило человеку поднять лицо, как в памяти тут же всплыло имя.

Шу Яо.

Лицо Шу Яо было неестественно покрасневшимся, взгляд — растерянным, верхние пуговицы белой рубашки расстегнуты. В сочетании с грохочущей музыкой бара все это выглядело крайне двусмысленно.

Шу Яо ужасно нервничал и, виновато взглянув на Хуа Цзяня, пробормотал:

— Прошу прощения, господин, я немного перебрал и не заметил вас.

— Ничего страшного.

Бар — место, где подобные сомнительные происшествия случаются сплошь и рядом, и Хуа Цзянь хотел держаться от главных героев сюжета как можно дальше. Он зашагал прочь, но, завернув за следующий угол, краем глаза заметил, как высокого роста мужчина подхватил Шу Яо на руки и унес.

У Хуа Цзяня дернулся глаз. Мужчину — принцессой? Ха.

Только он успел отвести взгляд, как тут же услышал:

— Черт, ты, твою мать, слепой? Под ноги не смотришь, когда прешься?

Ну вот, опять. Хуа Цзянь снова с кем-то столкнулся.

— Прошу прощения, — он помнил, что он здесь наемный работник, поэтому тон его был вежливым. — С вами всё в порядке?

Вид у мужчины был так себе: на лбу повязка из влажной марли, да и сам он был с ног до головы облит выпивкой. Красная жидкость стекала по лицу, он одной рукой прижимал повязку, другой держался за плечо — выглядел он крайне жалко и нелепо.

Ого! Да это же Гу Силинь, которому Се Чжиянь разбил голову.

Пока он застыл в изумлении, Шу Яо и след простыл!

Гу Силинь, скрежеща зубами, ткнул в него пальцем:

— Ты у меня еще дождешься!

Сказав это, он со всей силы толкнул Хуа Цзяня в плечо, но тот даже не шелохнулся.

— Ты...

Когда Гу Силинь был готов взорваться от ярости, Хуа Цзянь поспешил уступить дорогу:

— Прошу, проходите.

Гу Силинь напоследок злобно ткнул его пальцем в нос:

— Парень, я тебя запомнил.

По пути постоянно натыкаясь на этих странных влюбленных и страдальцев, Хуа Цзянь наконец добрался до туалета. Умываясь, он посмотрел в зеркало. Чтобы волосы не мешали работать, он уложил их гелем назад, открыв лицо — так он выглядел куда бодрее и мужественнее.

И все же я хорош собой.

Лу Цзэси, выходя из кабинки, услышал эти тихие, самодовольные мысли. Он посмотрел в сторону и нахмурился: это ведь тот самый новый бармен?

Хуа Цзянь не заметил мужчину, он лишь мельком глянул на него, отвернулся и начал вытирать руки.

Симпатичный парень, вот только мышц маловато.

Брови Лу Цзэси поползли вверх. Он обернулся и увидел, что бармен стоит с закрытым ртом, но голос звучит отчетливо.

Нет, ну чего этот тип на меня пялится? Снова гей? Да вы издеваетесь, я что, попал в осиное гнездо геев?!

Глядя на то, как парень поспешно ретируется, будто от чумы, Лу Цзэси не сдержал усмешки.

Что ж, парень, ты успешно привлек мое внимание.

* * *

Когда Хуа Цзянь вернулся, народу у стойки стало меньше. Бригадир, брат Шэнь, смотрел на него так, будто перед ним стоял бог богатства:

— Сяо Цзянь, сегодня отлично поработал! Те молодые господа открыли бутылки на твое имя. Хотя ты здесь первый день, процент от продаж тебе посчитают как старому сотруднику, так держать!

Он одобрительно похлопал Хуа Цзяня по спине, но тот, до смерти напуганный всеми этими геями вокруг, вздрогнул и невольно отступил на шаг.

— Большое спасибо, брат Шэнь, я пойду работать.

Брат Шэнь был доволен им все больше и с улыбкой проводил его взглядом.

— Он студент?

Внезапный вопрос заставил брата Шэня подпрыгнуть. Он быстро обернулся:

— Господин Лу.

Лу Цзэси кивком указал вперед и повторил:

— Он студент?

Брат Шэнь улыбнулся:

— Господин Лу, у нас почти все официанты и бармены — ребята чуть за двадцать, все они говорят, что учатся в университетах.

Но в наше время не так уж много настоящих студентов.

— Вот как?

Брат Шэнь не понял, к чему он клонит, и осторожно спросил:

— Может, мне разузнать о нем побольше?

— Не нужно, — Лу Цзэси еще раз окинул Хуа Цзяня взглядом и повернулся к собеседнику: — Что сегодня с баром? Почему те две кабинки пустуют?

— Их забронировал молодой господин из семьи Гу, но он так и не пришел, вот они и простаивают.

Лу Цзэси небрежно кивнул и направился вверх. Но, пройдя пару ступенек, остановился.

— Господин Лу, у вас будут еще распоряжения?

— Внизу не заняты, пусть этот новый бармен принесет мне коктейль на второй этаж.

— Будет сделано.

* * *

На следующее утро, когда зазвонил будильник, Хуа Цзянь спал крепким сном. Он лежал на кровати, не в силах пошевелиться — ужасно хотелось спать, а тело ныло от усталости.

Стоило ему потянуться за телефоном, как от резкой боли в руке он застыл. Он вспомнил: вчера, когда смена подходила к концу, какие-то клиенты устроили дебош, и он, наблюдая за перепалкой издали, попал под раздачу — в него прилетела бутылка. Хорошо, что он успел увернуться, а то разбила бы голову.

Хуа Цзянь уставился в потолок и пробормотал:

— Ну и невезуха же у меня.

Час спустя Хуа Цзянь уже стоял у ворот Пекинского университета. Единственным плюсом его нынешней квартиры было удачное расположение.

В романе он был лишь фоном, но стоило ему войти в аудиторию, как он тут же привлек внимание одноклассников.

— Хуа Цзянь! Ты наконец-то пришел! Опять телефон не читал? Я слышал от Цзян Пинлу, что тебя в выходные поймали с поличным в отеле?

— Серьезно? Хуа Цзянь решился пойти в отель?

Хуа Цзянь все так же носил очки в черной оправе, волосы растрепались, закрывая глаза — он выглядел точно так же, как раньше: замкнутый, не умеющий постоять за себя парень. Они учились вместе уже год и знали, что он местный, из обеспеченной семьи, но характер у него был на редкость мягкотелый. Несмотря на высокий рост, он никогда не отвечал на насмешки.

Рядом раздался грубый мужской голос:

— Да вы с ума посходили? Какие отели, что вы несете? Как бабки на базаре!

Хуа Цзянь обернулся, и его глаза блеснули. Говорил парень с короткой стрижкой и суровым взглядом. Поймав взгляд Хуа Цзяня, он нетерпеливо рявкнул:

— На что смотришь?

— Эй, Сюэ Пань, ты чего? Мы с Хуа Цзянем болтаем, тебя это каким боком касается? Может, ты сам в него втрескался? Ха-ха, я вот слышал, что с ним в отеле был какой-то мужик, уж не ты ли это?

Парень с короткой стрижкой резко вскочил и направился к болтуну:

— Ты что несешь? Еще раз вякнешь — прибью!

— Прибьешь? Ты хоть знаешь, кто мой отец?

— О-о, смотрите, Сюэ Пань сейчас драться будет!

Хуа Цзянь, оказавшийся в эпицентре событий, еще ничего не успел сказать, а группа парней уже была готова сцепиться из-за него. Звучало странно, но это была правда.

Сюэ Пань побагровел от ярости, и, подталкиваемый другими студентами, уже был готов пустить в ход кулаки. Зеваки потянулись за телефонами, чтобы снять видео, как вдруг в кадре появилась тонкая, бледная рука и легко приподняла того самого парня, который вот-вот должен был получить от Сюэ Паня.

— Ого!

Студент, снимавший видео, инстинктивно повел камеру, и вскоре на экране появилось лицо в черной оправе, самое обычное, непримечательное.

Это был Хуа Цзянь.

— Кто?! Ты чего творишь? Отпусти меня немедленно!

Тот самый одноклассник, который первым начал распускать слухи об отеле, извивался в стальной хватке. Тот студент-мужчина, отчаянно сопротивляясь, пошатнулся и был наконец отпущен.

Опозоренный и разъярённый, он обернулся и обнаружил, что за его спиной стоит Хуа Цзянь — человек, на которого он всегда смотрел свысока!

Дрожащим пальцем он ткнул в сторону Хуа Цзяня:

— Ты... ты... ты...

Хуа Цзянь произнёс свои первые слова с тех пор, как вошёл в эту большую аудиторию:

— Тебе пора худеть.

Стоило ему закончить, как во всей аудитории воцарилась тишина.

Этот студент был невысокого роста, около метра семидесяти трёх, но при этом плотного телосложения. Хуа Цзянь из-за травмированной руки едва смог его приподнять, но всё же сделал это!

В этой аудитории учились студенты факультета искусств, каждый из которых помешан на красоте и следит за фигурой. В обществе в целом ценилась худоба, и теперь, когда Хуа Цзянь прямо назвал его толстым, наглый студент внезапно взвыл и разрыдался!

— Что здесь происходит?

— Преподаватель пришёл, быстро, садитесь на места.

Рыдания застряли в горле, и студент, полный стыда и гнева, развернулся и выбежал из аудитории, так и сбежав с утренней пары.

Зеваки поспешно разошлись. Сюэ Пань с озадаченным видом посмотрел на Хуа Цзяня:

— Сегодня ты вёл себя как настоящий мужчина.

Хуа Цзянь размял плечо и сказал:

— Спасибо, что вмешался, дружище.

Сюэ Пань с любопытством оглядел его с ног до головы:

— Ты назвал меня дружище?

Внутри у Хуа Цзяня всё сжалось. Неужели это был не друг оригинального владельца тела?

— Денег, что ты мне дал, ещё достаточно. По крайней мере, в школе эти ребята не осмелятся обижать тебя в открытую.

Сказав это, Сюэ Пань сел на место.

— Тот студент в очках, немедленно сядьте на место!

Раздался голос преподавателя, и все в аудитории снова уставились на него, но теперь в их глазах читалось любопытство.

Хуа Цзянь нахмурился и сел.

Если он правильно понял, слова Сюэ Паня означали, что «Хуа Цзянь» платил Сюэ Паню за защиту в школе.

Хуа Цзянь действительно начал проявлять интерес к оригиналу.

В восемь утра понедельника все были сонные и вялые.

Хуа Цзянь, у которого от голода подвело живот, собирался уходить сразу после занятий, но его окликнул Сюэ Пань.

— Хуа Цзянь, подожди.

— Что-то ещё?

Сюэ Пань огляделся на других студентов, подошёл ближе к Хуа Цзяню и сказал:

— То, что ты просил меня достать, у меня.

Хуа Цзянь опешил:

— Что достать?

Сюэ Пань нахмурился:

— Что ты прикидываешься? Не хочешь платить?

Через несколько минут Хуа Цзянь увидел флакон с лекарством в руках Сюэ Паня.

— «Послушная вода»? Ты...

— Заткнись!

Лицо Хуа Цзяня изменилось, как только он увидел, что держит Сюэ Пань.

Сюэ Пань наконец заметил странное поведение Хуа Цзяня:

— Ты боишься? Чего бояться? Это ведь не первый раз.

Сюэ Пань был не из столицы, и то, что приезжему удалось поступить в Пекинский университет через экзамены, означало, что он был далеко не так прост, как казалось.

— Я потратил кучу связей, чтобы достать это средство. Даже если ты сегодня передумаешь, денег с тебя ни на копейку меньше не возьму!

Мозг Хуа Цзяня лихорадочно заработал:

— Сколько?

— Тридцать тысяч.

— Хорошо! — Хуа Цзянь облегчённо выдохнул. — Мы добавили друг друга в друзья? Я переведу тебе прямо с телефона.

— Цы, а ты и вправду ведёшь себя странно, — Сюэ Пань усмехнулся. — Молодой господин Хуа говорил, что таким, как я, выполняющим грязную работу, нельзя быть у тебя в друзьях.

Хуа Цзянь пристально посмотрел на него:

— Раньше было раньше, добавляй!

Сюэ Пань посмотрел на QR-код перед собой, помедлил, а затем достал телефон и отсканировал его.

Хуа Цзянь принял запрос в друзья и тут же перевёл тридцать тысяч:

— На этом всё.

Он забрал флакон у Сюэ Паня, развернулся и широким шагом направился в уборную на этом этаже.

Сюэ Пань проводил его задумчивым взглядом. Этот Хуа Цзянь становился всё интереснее.

В уборной Хуа Цзянь наблюдал, как лекарство из флакона смывается в унитаз. Он облегчённо выдохнул. Только сейчас он заметил, что его одежда на спине насквозь пропиталась потом.

Возможно, теперь он понимал, почему в оригинальной истории «настоящий молодой господин» и те, кто за ним ухаживал, так ненавидели «Хуа Цзяня».

Настоящий молодой господин Шу Яо несколько раз попадал под действие подобных препаратов, и, скорее всего, именно по цепочке — «Хуа Цзянь» через Фэн Цяня к Шу Яню — эти вещества попадали к Шу Яо.

Неужели в ту ночь, когда он попал в эту книгу, он был отравлен тем же самым?

Поход в школу стоил ему тридцать тысяч, и всё утро Хуа Цзянь ходил мрачнее тучи: жаба душила немилосердно.

Сюэ Пань не был студентом факультета искусств, а утренняя лекция была общей, поэтому они случайно оказались в одной аудитории. После передачи флакона Хуа Цзянь больше не видел его весь день.

А то, что произошло утром в аудитории, давно разнесли любопытные студенты.

Хуа Цзянь всегда был «невидимкой» на факультете искусств Пекинского университета.

Его прозвищами были: «подстилка молодого господина Фэна» и «тот парень в очках, что вечно таскается за Фэном».

Сегодня, благодаря стараниям однокурсников, у него наконец появилось имя.

Отрадно, ничего не скажешь. Толстяка, которого он приподнял за шкуру, звали Чжан Пинъю. Он учился на масляной живописи, обычно любил таскаться за Фэн Цянем и испытывал к нему какие-то особые чувства.

Поэтому, заметив, что Хуа Цзянь равнодушен к Фэн Цяню, Чжан Пинъю при каждом столкновении с Хуа Цянем неизменно источал яд и сарказм.

Но чтобы вот так наброситься с кулаками — такого раньше никогда не случалось.

Хуа Цзянь ничего об этом не знал. В полдень он сразу отправился в пятую столовую Пекинского университета — здешняя еда стояла дороже, но и была намного вкуснее.

К сожалению, не успел он получить свой поднос с обедом, как снова столкнулся с незваными гостями.

...А у этих людей явно уйма свободного времени.

Хуа Цзянь, можно с тобой познакомиться? Мы с одного факультета, меня зовут Лю Юйцзэ.

Привет, Хуа Цзянь, я Фэн Чжэкай, на прошлой неделе мы вместе ходили на факультатив.

...Зачем ему, обычному персонажу на заднем плане, знакомиться с таким количеством людей?

Хуа Цзянь на мгновение замер и поднял глаза на стоявшую перед ним компанию.

Он не знал никого из них, но в оригинальном романе эти персонажи появлялись куда чаще, чем сам Хуа Цзянь.

Все они были подпевалами фальшивого молодого господина Шу Яня.

Когда Хуа Цзяня травили, они приложили немало рук к разработке планов.

Вот только сейчас их лица казались благожелательными, и выглядеть эдакими милыми сокурсниками было поистине странно.

Хуа Цзянь равнодушно бросил:

— Присядете перекусить вместе?

Взгляд Лю Юйцзэ скользнул по тарелке Хуа Цзяня, и в его глазах промелькнуло брезгливое выражение.

— Нет, мы как раз собираемся за территорию кампуса. Кстати, давай добавим друг друга в контакты?

Он привычным жестом достал телефон и протянул экран прямо перед лицом Хуа Цзяня.

Хуа Цзянь не шевельнулся, а Фэн Чжэкай приподнял бровь:

— Чего ты, Хуа Цзянь? Добавляй давай! Сегодня вечером намечается тусовка, Шу-шао устраивает сбор, Фэн Цянь сто процентов будет там, добавишься — погуляем вместе.

— Точно! Раньше, куда бы ни направлялся Фэн Цянь, ты ведь вечно увязывался за ним, даже когда тебя не брали — всё равно тащился.

Другой парень высказался с изрядной долей ехидства, сдобренного едва уловимой насмешкой.

Хуа Цзянь поднял на него взгляд. Глаза его были совершенно пустыми, но от этого взгляда у говорившего почему-то холодок пробежал по спине.

Почему он раньше не замечал, что у Хуа Цзяня такой жуткий взгляд? Остаток едкой ремарки застрял у него в горле и никак не желал произноситься.

Лю Юйцзэ исподлобья зыркнул на него.

А этот пес Хуа Цзянь и впрямь потерял всякий стыд! Он уже целую вечность держит на весу свой QR-код, а этот выскочка всё еще ломает комедию?

Если бы не поручение Шу-шао, он бы...

Взгляд Хуа Цзяня переместился на Лю Юйцзэ:

— Так вы пришли позвать меня на сегодняшнюю вечеринку?

Лю Юйцзэ опешил:

— Чего?

Хуа Цзянь насмешливо фыркнул:

— Разве не вы только что говорили про вечернюю тусовку и предлагали погулять вместе?

У семьи Лю Юйцзэ водились кое-какие деньжонки, сам он постоянно крутился в компании Шу Яня и мнил себя знатным модником, предпочитая кричащие и дорогие шмотки.

К этому моменту их компания уже привлекла всеобщее внимание студентов в столовой — особенно из-за того, что он стоял с поднятым телефоном, требуя, чтобы Хуа Цзянь добавил его в контакты.

Шум в столовой, чужие любопытные взгляды, цепляющие краем глаза, и тошнотворный запах дешевой еды — всё это вместе взятое вызывало у него сильнейшее раздражение.

В глазах Лю Юйцзэ мелькнула свирепость, а голос невольно упал на пару тонов:

— Раз уж ты так рассуждаешь — ладно, добавляй.

Кто бы мог подумать, что Хуа Цзянь равнодушно опустит голову и, подхватывая палочки для еды, произнесет:

— Меня ваши тусовки не интересуют. Валите отсюда.

Лицо Фэн Чжэкая перекосило, и он выругался:

— Хуа Цзянь, неблагодарная ты тварь!

Лю Юйцзэ проскрежетал зубами:

— Хуа Цзянь, ты смеешься надо мной?

Хуа Цзянь с резким стуком оперся руками о стол и поднялся на ноги.

Лица Лю Юйцзэ и Фэн Чжэкая мгновенно изменились, и они невольно попятились назад.

Черт возьми, почему раньше они не замечали, что этот пес такой высокий?

Видео, которое они смотрели перед тем, как сюда прийти — где Чжан Пинъю висел в воздухе, поднятый одной лишь рукой Хуа Цзяня — служило для них лучшим наглядным примером.

Если бы их вот так же подняли на глазах у всей столовой, им можно было бы сразу вешаться.

Лю Юйцзэ опомнился первым и попытался сохранить хорошую мишу при плохой игре:

— Раз ты такой неблагодарный, и не думай соваться в круг Шу-шао. Уходим!

С этими словами компания в панике бросилась врассыпную, а заготовленные Хуа Цзянем слова так и застряли у него в горле.

— И впрямь психопаты.

Остальные студенты в столовой переглядывались с самыми разными выражениями лиц. Этот парень высокого роста, который всегда казался бесплотной тенью, сегодня вдруг обрел невероятно тяжелое и давящее присутствие.

В девять вечера Хуа Цзянь вовремя прибыл в клуб.

Брат Шэнь встретил его все той же улыбкой:

— Сяо Цзянь пришел! Я велел ребятам быстренько раздобыть для тебя новый комплект униформы.

<http://bllate.org/book/21819/2258959>